

Цвѣли мечты и грезы
«О жизни безъ препонъ.. Цвѣли онѣ-но робко,
Цвѣли и увядали
И въ тинѣ сердца гнили...
И пахли очень скверно...
Но ты проникъ мнѣ въ сердце
Своимъ горячимъ словомъ,
Какъ искрами осыпалъ
Ты мракъ моей души.
И запылалъ я страстью
И сталъ безумно храбрымъ
И нынѣ гордо пахну паленою свиньей..

Съ истиннымъ почтеніемъ Сила Ястребовъ...

И много другихъ сладостныхъ знаковъ вниманія
получать мой писатель отъ публики. А чортъ,
вѣрный спутникъ писателя, смѣясь, подказывалъ
ему:--„не смущайся, дурачекъ, вѣдь это по заслу-
гамъ тебѣ, не смущайся. Ты теперь для публи-
ки, какъ молодая любовница разслабленному ста-
рику. А такъ же и не притворяйся скромнымъ,
ибо--„караешь любить, чтобы его жарилъ въ сме-
танѣ“, а писатель, чтобы его каптили въ дыму
славы: ха--ха--ха“!.. И вотъ паренекъ мой началъ
потихоньку высовываться на глаза влюбленной
въ него публикѣ. Видитъ рукоплещетъ она. И
сталъ онъ къ этому шуму привыкать, какъ пья-
ница къ водкѣ, и стало ему безъ рукоплеща-

ній скучновато жить, а съ тѣмъ вмѣстѣ зазнаваться парень сталъ...

Вотъ однажды въ людномъ мѣстѣ толпа публики окружила его, прижала его къ стѣнѣ и, хлосая въ ладоши, одобрительно покрикивала: „Бра-вва! Бра-вва!...“ а онъ стоялъ передъ толпой, умильно улыбался и было ему такъ сладко, точно его въ палокѣ варили... Первый разъ видѣлъ онъ публику на близкомъ разстояніи... И вдругъ ему стало неловко передъ нею, даже жутко, показалось ему, что сейчасъ начнутъ его щекотать подъ мынками и въ головѣ его зареялись разныя недѣльныя мысли. Казалось, что каждый изъ толпы, разглядывая его, мысленно сравниваетъ свои уши съ ушами писателя, желая съ точностью опредѣлить, чья длиннѣе. И мой парень почувствовалъ, что уши его растутъ, растутъ, достигаютъ гигантскихъ размѣровъ... А публика стоитъ и кричитъ: „Бра-вао! Тогда въ душѣ моего героя загорѣлось зловѣщее сомнѣніе въ принадлежности самому себѣ, и онъ подумалъ: - они считаютъ меня своей собственностью и сейчасъ начнутъ играть мною какъ мячемъ ...

А чертъ стоялъ сзади него и схибно посмѣивался: „Хе - ххе, хе, гляди ка, гляди“... Выглянувъ мой бѣдный парень и видя: съ десятковъ выросла толпа до сотенъ, и все рукоплещетъ. Стоять среди нея благовоспитанные потомки Іуды Искаріота, Игнатія Лойолы и всѣхъ иныхъ христонродавцевъ, стоятъ твердо и тоже рукоплещутъ ему!

Глаза публики, какъ сотни иглокъ, вонзились въ грудь моего героя, а онъ смотрѣлъ въ смущеніи на толпу и видѣлъ: вотъ все лица ся слили передъ нимъ въ одно огромное, мѣанное, рабское лицо и на немъ не было глазъ, а только два мутныхъ пятна на мѣстѣ ихъ и носъ на этомъ лицѣ былъ длиннень, какъ хоботъ слона. „Смотри, сказалъ чертъ, злорадно хихикая, возди ся вытянули ей носъ, но не зажгли огня въ сердцѣ ея и ротъ она слѣпая! И посмотри какой у нея языкъ, ты посмотри!“ Передъ глазами моего героя шевелились огромныя чувствениа губы, открывая глубокую, черную яму, въ глубинѣ этой ямы вращалось какое-то екользкое, короткое, толстое батало и со смрадомъ выговаривало: „Браво“. Писатель въ страхѣ закрылъ глаза, чувствуя, что его куда-то всасываетъ. Но когда онъ открылъ ихъ, предъ нимъ стояли люди, са-ые обыкновенные люди, стояли передъ нимъ крѣпкой стѣной, лица ихъ улыбаиись, глаза сверкали: удовольствіемъ дѣтей, увидавшихъ новую игрушку, и все вокругъ него было просто, обычно...

Отъ этихъ улыбокъ и ласковыхъ глазъ стало писателю тепло, страхъ растаялъ въ сердцѣ его и ему захотѣлось сказать что нибудь публикѣ, что нибудь этакое задушевное. Онъ вздохнулъ, какъ могъ глубоко, и сказалъ, прижимая руку къ своему испуганному сердцу: „господа!“ „Браво! Тес., тише. Онъ хочетъ говорить.“ „Господа, сказалъ онъ, вниманіе ваше пріятно щекочетъ мнѣ сердце Я

кажется понимаю васъ. Когда бы ~~былъ~~ маленькимъ и слышалъ военную музыку, я бывало; бѣжалъ за нею и меня тоже занимала не столько сама музыка, сколько, то, какъ солдатъ, играющій на большой трубѣ надуваетъ щеки... Благодарю васъ, господа.“ - „Бра-воо-о-о! закричала публика. „Мы любимъ васъ!“ громко сказалъ кто-то. - „Спасибо,“ сказалъ писатель, растроганный и умиленный. „Бра-воо!“ „Господа, возносясь куда-то, крикнулъ мой герой, давайте поговоримъ по душѣ.“ „Бра-воо!“, А чертъ, стоя сзади писателя, все посмѣивался.... Хитрый! „Я, господа, въ искренность вашего отношенія ко мнѣ вѣрю... Только плохо понимаю, чѣмъ я вызвалъ у васъ столь теплыя чувства. Иногда, знаете, мнѣ кажется, будто вы меня за то любите, что я не пошу сюртука и въ своихъ разсказахъ часто употребляю неприличные слова. И порой мнѣ думается, что если бы я научился лирическимъ стихамъ лѣвой ногой писать, вы бы еще теплѣе, еще съ большимъ вниманіемъ относились ко мнѣ... „Бра-воо!“, крикнула публика. И видите-ли мнѣ думается, что вы не настоящіе читатели, а просто почитатели. Читатель онъ знаетъ, что важнѣе не человекъ, а духъ человѣческій и писателя не разглядываетъ, какъ теленка о двухъ головахъ. Онъ его читаетъ, но если не вѣритъ, снѣ надъ книгой самъ думаетъ; вотъ это такъ, а это не такъ. А подумавъ, онъ дѣлаетъ что нибудь хорошее и потомъ это хорошее называется „исторіей.“ Вы же,,

господа, творите не исторію, а „скандалы“
И настоящаго читателя совѣмъ немного на зем-
лѣ, а такихъ, какъ васъ--вонъ сколько... По со-
вѣсти моей, я долженъ сказать, что никакихъ
симпатій, а тѣмъ болѣе уваженія, не питаю къ
вамъ. Товарищи говорили мнѣ, что публику ува-
жать надо, но никто не могъ объяснить за что?
Какъ вы думаете, за что можно уважать васъ?“
Писатель замолчалъ, вопросительно поглядывая
на публику. Она тоже молчала и какъ бы зату-
манилась немножко. Откуда-то подулъ холоднымъ
вѣтромъ. „Вотъ видите-ли, послѣ долгаго молча-
нія, кротно сказалъ писатель, вы и сами не въ
состояніи придумать, за что можно было бы ува-
жать то васъ. Какой то рыжій человекъ открылъ
ротъ и басомъ молвилъ: „мы люди.“ Ну много
ли среди васъ настоящихъ то людей? можетъ че-
ловѣкъ пять на тысячу найдется такихъ, кото-
рые страстно вѣрятъ, что человекъ есть владыка
и творецъ жизни, и право его - свобода думать,
говорить, ходить- святое право; можетъ только
пять изъ тысячи способно бороться за это право
и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него.
Большинство изъ васъ рабы жизни, или наемные
хозяева ея - и всѣ вы кроткіе мѣщане, временно
заступающіе должности настоящихъ людей. То,
что есть въ васъ человѣческаго--только зоологи-
ческое - я вотъ смотрю въ ваши тусклые и роб-
кіе глаза и со страхомъ вижу - какъ мало среди
васъ смѣлыхъ, какъ мало честныхъ! Бѣдна стра-

на мои людьми сильными, а уже вновь наступило время, когда ей нуженъ герой... Человекъ 20 изъ публички повернувшись къ оратору затылками и отошли прочь. Онъ же продолжалъ: „Хорошій, живой человекъ всегда куда нибудь стремится, чего нибудь ищетъ, а вы живете тихо, спокойно, неподвижно, такъ какъ приказано вамъ жить ваше мѣсто: думать, смѣть, двигаться вы боитесь. Вокругъ васъ, точно у кокошки въ постынной бездѣлушкѣ на полочкахъ, торчатъ полусгнившія традиции да разныя житейскія правила, ни къ черту ни годныя. Все это мѣшаетъ вамъ свободно рукой шевельнуть, но все это ваши маленькіе идолы, и вы не смѣете низвергнуть ихъ хотя они какъ оковы вамъ. И когда вѣтеръ съ поля приноситъ въ затхлый воздухъ вашихъ норъ новое свѣжее запахи, вы, опасаясь флюса въ сердца, закрываете все форточки. Безпокойства не любите вы, безпокойство мучаетъ васъ. Но вамъ нужно имѣть что нибудь для разговора, нужно чѣмъ нибудь занимать вашихъ гостей, какъ нищие на папержи протягивайте вы руки къ литературѣ, чтобы взять у нея что нибудь для развлечения. Литература для васъ острая приправа къ прѣснотѣ вашей сумрачной жизни, вамъ правится, когда люди ищутъ кровью и желчью только правды. И ни любви, ни ненависти не возбуждаетъ въ груди у васъ литература - ничего кромѣ крика одобренія или хулы.

Вы не люди, вы зрители, публика. Жизнь не

дрогнула бы, еслибы вы всё сразу исчезли из-нея; провались вы въ землю - ничто не измѣнится на землѣ. Вы стойки, потому что рабы. Васъ бьютъ - вы улыбаетесь. Васъ возмущаютъ только жени, когда невкусенъ обѣдъ, а страдаете вы отъ жадности къ благамъ жизни, отъ зависти другъ къ другу и отъ несваренія желудка. Когда сапоги жмутъ вамъ нѣгу - вы стонете; о какъ правъ Шпенгауеръ! А слыша крикъ - свобода, - вы думаете про себя - что ему Гекуба?... Чертъ бы васъ всѣхъ побралъ. Еслибы вы знали, какъ вы жалки; какъ противны; какъ ужасно тяжело жить среди васъ. Вамъ говорить: - жизнь страшна, - мрачна, она вся сочится кровью. Вы не вѣрите - ваша жизнь только пошловата и скучна, и когда вамъ указываютъ смерть и ужасъ этой пошлости - вы остаетесь спокойными, интересуясь лишь однимъ - красиво ли указано? Эстетики, утопающіе въ грязи, хоть бы скорѣе вы захлебнулись ею“:

Публика постепенно таяла. Она не любитъ длинныхъ рѣчей. А чертъ посмѣивался - онъ вѣдь знаетъ настоящую цѣну всего этого. Но ораторъ, увлеченный исполненіемъ своего долга, ничто не замѣчалъ. „Жизнь - героическая поэма о человѣкѣ, который ищетъ сердца ея и не находитъ, хочетъ все знать и не можетъ, стремится быть могучимъ, какъ отецъ его на не бесахъ, и не въ силахъ побѣдить своей слабости. Слыхали вы что-нибудь объ истинѣ, о справедливости, о желаніи“:

видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми...

Вамъ хочется быть только сытыми, жить въ теплѣ, насиловать и развращать женщинъ, подѣ видомъ любви къ нимъ, вамъ хочется жить спокойно, уютно, потихоньку - вотъ ваше счастье. А желаніе вашего лучшаго счастья - кушиться на грошья пятаковъ. Счастье ловятъ крѣпкими, мускулистыми руками, а въ трусливые, слабые, хилые, вы даже и муху не можете поймать безъ помощи со стороны, - вы и съ мухой сражаетесь посредствомъ ядовитой бумажки, - смерть мухамъ! Миѣ жалко мухъ! Онѣ жужжать и тѣмъ мѣшаютъ спать; но я съ радостью напечатаю бы для васъ бумажку, - „смерть мухамъ!“ Чтобы вы, читая ее, отравлялись безпокойствомъ... Вижу я не правъ здѣсь - вы безпокоитесь. Когда вамъ становится не удобно жить, потому что не хватаетъ жалованья на прокормъ семьи или отъ того, что вамъ отъ скуки жить съ вами измѣняютъ ваши жены - вы стонете, философствуете; жизнь кажется вамъ гадкой и тяжелой до поры пока вамъ не прибавятъ жалованія, или вы не найдете себѣ любовницы. И наполняя жизнь старческимъ брюзжаніемъ, сквернымъ скрипомъ разочарованія, своими жалобами на нее, вы отравляете слухъ вашихъ юныхъ дѣтей. Вы останавливаете ихъ мысль на мелочахъ жизни, на пошлостяхъ ея и эта мысль тупится, какъ мечъ, которымъ рубить сучья, а не головы. Потомъ и дѣти, утом-

ленья вашими рассказами о жизни, которой вы не знаете, тихо идут проторенными тропами, преждевременно старенькіе, холодненькіе, дряхленькіе. Идутъ они и ищутъ жизнь теплую; жизнь сытую, жизнь уютную; находятъ се и существуютъ потихоньку по примѣру отцевъ. Они, какъ свѣжая известка, которой замазали трещину въ старомъ зданіи. Это тяжелое, грязное зданіе все пропитано кровью людей, которыхъ раздавило; оно сотрясается отъ дряхлости, охваченное предчувствіемъ близкаго разрушенія, и въ страхѣ ждетъ только, чтобы съ шумомъ развалиться. И уже зрѣютъ силы для толчка; онѣ паростаются, онѣ едва могутъ сдержатъ сами себя и то тамъ, то тутъ вспыхиваютъ пламенемъ нетерпѣнія. Онѣ придутъ; тогда старое зданіе задрожитъ, рухнетъ на голову вамъ и раздавитъ васъ, хотя вы только за то достойны казни, что ничего не сдѣлали. Но виновныхъ нѣтъ въ жизни»

Публики осталось совсемъ немного. Часть ея смотрѣла на писателя съ сожалѣніемъ, - любя читать его рассказы, она съ грустью слушала его рѣчь, ибо въ этой рѣчи не было ничего эстетическаго. Нѣкоторые смотрѣли съ сожалѣніемъ. Веѣмъ было скучно и никто не обижался. Вотъ какой-то юноша, нахмуривши ѣ, сердито крикнулъ: „все это слова, вы скажите какая у васъ программа практики“?...

А почтенный господинъ замѣтилъ со вздохомъ: - „эхъ ѣ я въ молодетѣ былъ романтикомъ“... Дамы

въ черномъ платьѣ спросила: „что-онъ и женщина ругаетъ“! Чертъ смѣялся... „Еще нужно сказать вамъ очень ужъ вы любите быть несчастными! Я думаю, вы это дѣлаете по расчету: вамъ нечѣмъ возбудить другъ къ другу уваженіе и любовь, вотъ вы и становитесь нарочно несчастными, чтобы возбудить къ себѣ жалость, сочувствіе, дешевенькія эмоціи, которыми вы одинаково обильно одѣляете другъ друга и съ той же силой собаченку, когда камесо экинажа раздробило ей ногу. Еслибы у васъ было здоровое цельное чувство любви къ жизни! вѣдь вы не любите жизни, вы боитесь ее, вы тихонько какъ воръ отрываете отъ нея кусочки... Кроткіе люди! Бѣдныя нищіе. Пошли, Господи; побольше бѣдъ на ваши головы, дабы вы обезпokoились, дай Боже множество тревогъ вамъ, чтобы вы ожили!“ - „Изъ группы людей, стоявшихъ передъ ораторомъ, одинъ обидѣлся и закричалъ: „да не все мы таковы... Чертъ возьми. Это наконецъ несправедливо“... „Господинъ, не требуйте отъ меня справедливости, ее нѣтъ въ жизни, ее нѣтъ пока. Какъ среди васъ можетъ родиться справедливость? И вы все одинаково плохи. Вы - общество, какъ дѣлать васъ на хорошихъ и дурныхъ? Вы все въ юности вооружались знаніемъ, сидя въ школахъ, и всехъ васъ учатъ одному и тому - же. Я думаю, что вы учились хорошему, ибо увѣренъ, что дурному вы бы не позволили учить себя. Мнѣ труднѣе представить университетъ, въ которомъ